

В. П. Толстиков

СВЯТИЛИЩЕ НА АКРОПОЛЕ ПАНТИКАПЕЯ

В 1978—1979 и 1982 годах на верхнем плато горы Митридат (на Новом Верхнем Митридатском раскопе) Боспорской экспедицией ГМИИ им. А. С. Пушкина были открыты и исследованы остатки террас и располагавшихся на них монументальных построек¹. Местоположение, особенности планировки и конструкции этих сооружений, а также состав и характер обнаруженных находок позволяют видеть здесь культовый комплекс (точнее, по-видимому, часть комплекса). Новый Верхний Митридатский раскоп примыкает с юга непосредственно к Верхнему Митридатскому раскопу В. Д. Блаватского (1949, 1952—1953 гг.), поэтому синхронные строительные остатки и относящиеся к соответствующим слоям находки на обоих раскопах будут рассматриваться как единый комплекс.

Поскольку раскопки еще не завершены, предлагаемая статья подводит итог лишь первому этапу изучения святилища. Естественно, некоторые выводы имеют предварительный характер и, вероятно, в дальнейшем могут подвергнуться корректировке. Тем не менее публикация и введение в научный оборот материалов этих раскопок необходимы, так как впервые, насколько можно судить, нашими раскопками открыты на основной территории акрополя столицы Боспора сохранившиеся в первоначальном положении основания монументального культового сооружения, причем в них сделан ряд находок, имеющих первостепенное значение и для изучения истории Пантикапея, и для истории и культуры Боспора в целом.

Многолетние раскопки на горе Митридат дали обширный и разнообразный материал по истории и материальной культуре Пантикапея. Тем не менее приходится констатировать, что если в изучении системы планировки, застройки центральной части города, ордерной архитектуры Пантикапея достигнуты известные результаты, то наши знания об одном из важнейших районов столицы Боспора — об его акрополе — все еще остаются фрагментарными и неполными.

В начале 70-х годов под руководством И. Д. Марченко, возглавлявшей Боспорскую экспедицию музея, был разработан и начал успешно осуществляться план целенаправленного изучения территории, предположительно входившей в границы акрополя. С этой целью были заложены два новых раскопа: Восточный и Центральный, а в 1975—1978 годах впервые был составлен подробный топографический план района Первого

¹ Толстиков В. П. Раскопки Пантикапея в 1979 году. — Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы ГМИИ им. А. С. Пушкина за 1979 год. М., 1980, с. 34—36.

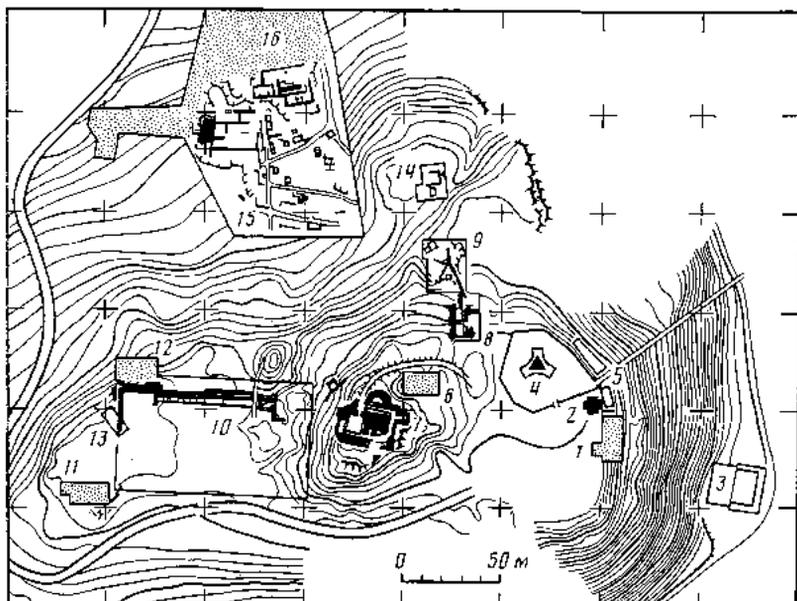

Рис. 1. Район Первого кресла горы Митридат. Схема расположения раскопов: 1 — раскоп А. Е. Люденко 1864 г.; 2 — часовня Стемиковского; 3 — местоположение Старого музея; 4 — обелиск в честь героев, павших в боях за освобождение Крыма; 5 — раскопы В. Д. Блаватского 1945 г.; 6 — раскоп М. Скассы; 7 — остатки цитадели акрополя Пантикапея на скале Первого кресла; 8 — раскоп Новый Верхний Митридатский; 9 — раскоп Верхний Митридатский; 10 — раскоп Центральный; 11—12 — раскопы Ф. И. Гросса 1886 г.; 13 — раскоп Верхний Эспланадный; 14 — раскоп Восточный; 15 — раскоп Новый Эспланадный; 16 — раскопы К. Е. Думберга 1896—1899 гг.

кресла горы Митридат с инструментальной привязкой всех раскопов (включая и котлованы старых раскопов XIX в.) (рис. 1).

Программа изучения акрополя, осуществляемая и в настоящее время, впервые позволила наметить основные этапы его существования, уточнить границы, исследовать остатки оборонительных сооружений акрополя IV—III вв. до н. э., а также укреплений II в. до н. э. — первых веков н. э. Раскопки, проведенные на скалистой вершине Первого кресла горы Митридат, позволили открыть остатки частично высеченного в скале основания цитадели с мощной, прямоугольной в плане центральной башней. Было установлено, что этот оборонительный комплекс усилил фортификационную систему акрополя в 40-х годах I в. до н. э.²

Фиксируемое расширение территории акрополя, продолжавшееся в течение длительного периода истории города, а также отчетливо выраженная тенденция к постоянному повышению его обороноспособности указывают на то, что акрополь оставался одним из важнейших элементов в городской структуре, выполняя оборонительные функции и будучи резиденцией боспорских правителей. Но этим функции акрополя не ограничивались. Все исследователи, занимавшиеся изучением Пантикапея, единодушно и с полным основанием отмечают, что акрополь был и глав-

² Толстикова В. П. О системе обороны акрополя Пантикапея. — Сообщения ГМИИ им. А. С. Пушкина. Культура и искусство Босфора. Вып. VII. М., 1984, с. 47—52.

ным культовым центром столицы, средоточием храмов, алтарей, государственных святынь³. На это указывают как довольно многочисленные фрагменты ордерных архитектурных деталей, так и эпиграфические находки, обнаруженные на вершине горы Митридат, а также на примыкающем к ней участке восточного склона, т. е. на основной территории акрополя.

Посвятительные надписи говорят о том, что на верхнем плато акрополя Пантикапея были расположены храмы и другие культовые сооружения, посвященные Деметре (IOSPE, II, 7 = КБН 8), Аполлону Врачу (IOSPE, II, 10 = КБН 10), Гекате (IOSPE, II, 23 = КБН 22), Артемиде (КБН 28)⁴, Афродите Урании (IOSPE, II, 19 = КБН 75), Гераклу (IOSPE, II, 24 = КБН 16). Здесь же, по-видимому, находилось святилище Кибелы, мраморная статуя которой вместе с архитектурными деталями найдена в ходе раскопок М. Скассы у северного подножия скалы Первого кресла, возле главной улицы, ведущей в цитадель⁵.

И тем не менее приходится констатировать, что верхнее плато горы Митридат — основная территория акрополя — остается малоисследованным участком городища. Примечательно в этой связи, что уже П. Дюбрюкс, один из первых исследователей Пантикапея, человек весьма наблюдательный, характеризующий состояние остатков древних построек на вершине горы Митридат, отмечал, что «вся площадь крепости (акрополя. — В. Т.) покрыта остатками жилищ, но нигде нет следов больших зданий»⁶. Ничуть не прояснили картину и раскопки, проводившиеся здесь довольно интенсивно в XIX в. Из весьма суммарных сообщений и рапортов А. Е. Люденко, К. Р. Бегичева и других раскопщиков, которые к тому же не сопровождаются какими-либо чертежами или рисунками, можно заключить, что никаких сохранившихся в первоначальном положении остатков монументальных построек, в том числе и культового характера, открыто не было⁷.

В ходе работ 1945 г. на раскопах около развалин часовни Стемповского и близ восточной стороны обрамления Монумента героям, павшим в боях за освобождение Крыма, а также над старым зданием музея были

³ Блаватский В. Д. Пантикапей. М., 1964, с. 72—74; Пичикян И. Р. Малая Азия — Северное Причерноморье. Античные традиции и влияния. М., 1984, с. 156—178.

⁴ Здесь следует упомянуть также фрагмент ножки треножника (?) с посвящением Артемиде Эфесской, найденный в 1949 г. на Верхнем Митридатском раскопе, т. е. в непосредственной близости от исследуемого нами участка (Блаватский В. Д. Раскопки Пантикапея. КСИИМК, 1951, вып. XXXVII, с. 224; Розанова Н. П. Посвятительная надпись Артемиде Эфесской, найденная в Пантикапее в 1949 г. — ВДИ, 1960, № 3, с. 130—132; Виноградов Ю. Г. Прокус Минвиды из Пантикапея. — ВДИ, 1974, № 4, с. 59—62).

⁵ Dubois de Montpereux Fr. Voyage autour du Caucase. V. V. P., 1839—1843, p. 123. Скульптура изображает богиню Кибелу, сидящую на троне, с правой стороны стоят лев. Хранится в настоящее время в Государственном Эрмитаже (инв. № 18656). О. Вальдгауер и, вероятно, вслед за ним М. М. Кобылина ошибочно называют годом находки этой статуи 1855 год (Waldhauer O. Die antiken Skulpturen der Ermitage. Т. III. — Лpz, 1936, S. 30, № 248, Taf. XIV—XV; Кобылина М. М. Изображения восточных божеств в Северном Причерноморье в первые века н. э. М., 1978, с. 34). Между тем рисунок этой скульптуры был помещен в книге А. Б. Ашка «Боспорское царство», вышедшей еще в 1849 г.

⁶ Дюбрюкс П. Описание развалин и следов древних городов и укреплений, некогда существовавших на европейском берегу Босфора Риммерийского, от входа в пролив близ Еникальского маяка до горы Опук включительно, при Черном море. — ЗООИД, 1858, т. IV, с. 22.

⁷ Блаватский В. Д. Материалы по истории Пантикапея. — МИА, 1950, № 19, с. 26 сл.

открыты лишь остатки стен террас⁸. Особую ценность имеют найденные на первых двух участках фрагменты архитектурных деталей: элементы баз колонн и часть блока архитрава. На основании этой находки В. Д. Блаватским была высказана гипотеза о существовании на акрополе Пантикапея монументального периптера ионийского ордера⁹. Позднее датировка этого храма была уточнена И. П. Пичкиным, разработавшим и более детальный вариант графической реконструкции этого ордерного сооружения¹⁰. Привлеченные им дополнительные материалы позволили убедительно подтвердить предположение В. Д. Блаватского о том, что этот храм был посвящен Аполлону¹¹.

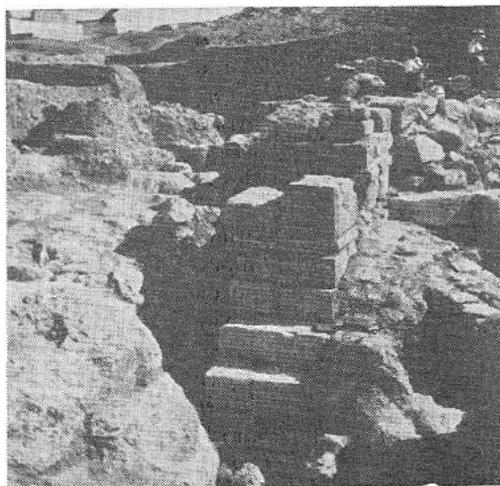

Рис. 2. Подпорные стены на Верхнем Митридатском раскопе. Снимок 1949 г.

В 1949, 1952—1953 годах в процессе интенсивных работ на Верхнем Митридатском раскопе (на северо-восточной границе территории акрополя)

Рис. 3. Остатки святилища, открытые в 1978, 1979, 1982 годах. Общий вид с севера

⁸ Блаватский В. Д. Отчет о раскопках Пантикапея в 1945—1949, 1952 и 1953 гг.— МИА, 1962, № 103, с. 40 сл.

⁹ Он же. Строительное дело Пантикапея по данным раскопок 1945—1949 и 1952—1953 гг.— МИА, 1957, № 56, с. 29—33.

¹⁰ Пичкин И. Р. Ордерная архитектура Северного Причерноморья.— ВДИ, 1975, № 1, с. 120 сл.; он же. К методике реконструкций античных ордерных фасадов по архитектурным деталям.— РСИА, 1978, вып. 152, с. 74—76.

¹¹ Он же. Малая Азия — Северное Причерноморье, с. 156—170.

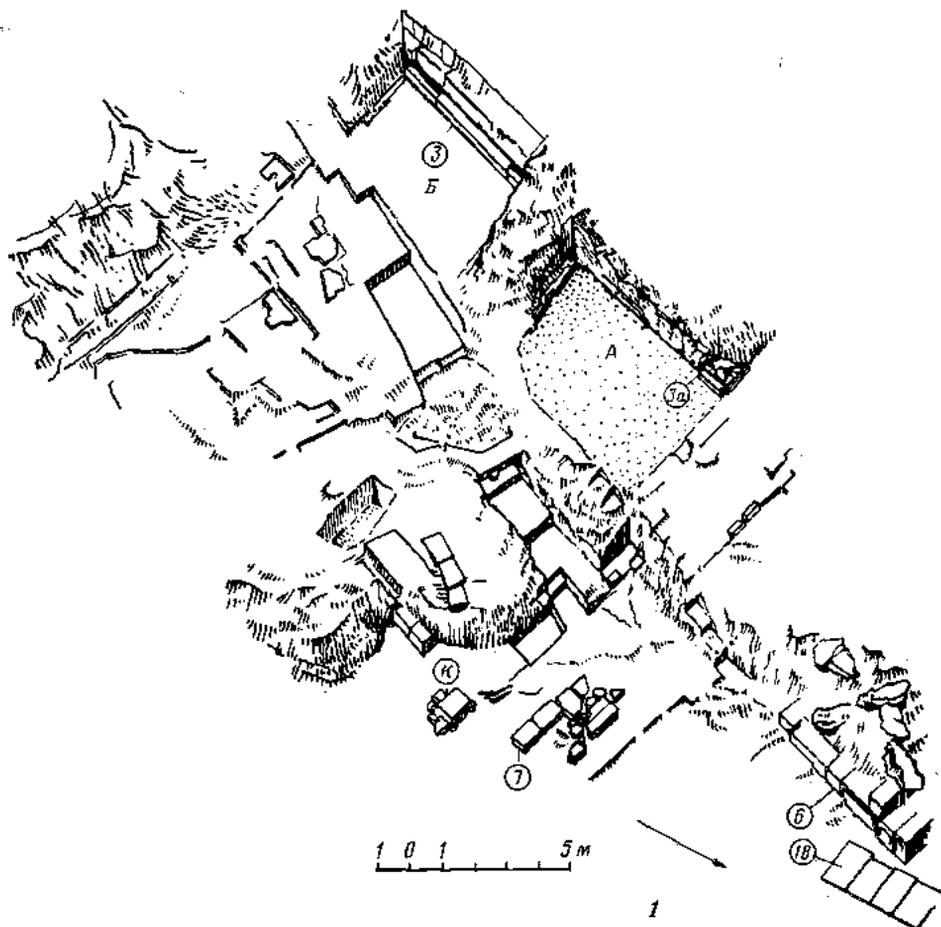
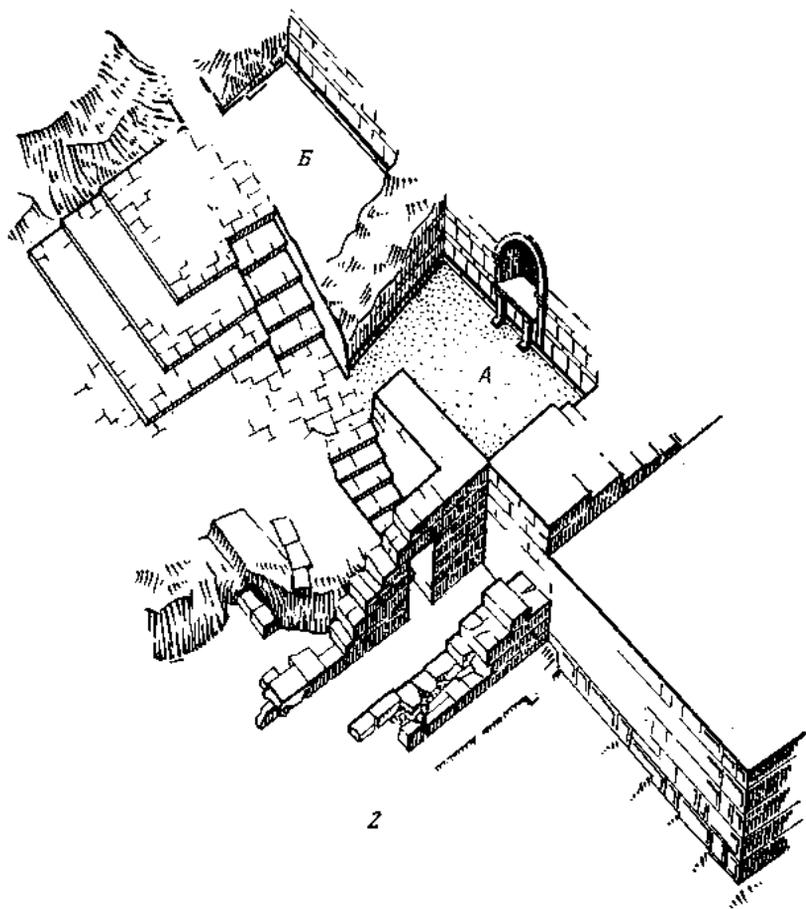

Рис. 4. Святилище Артемиды — Гекаты на акрополе Пантикапея: 1 — план-аксонометрия строительных остатков. Вид с северо-востока; 2 — вариант частичной реконструкции (рис. В. П. Толстякова)

были открыты основания подпорных стен и мощные насыпи террас различных периодов, перекрывавшие постройки VI—V вв. до н.э. Но и здесь так же как на названных выше участках, не было обнаружено никаких сохранившихся в первоначальном положении фундаментов или остатков, относящихся к сооружениям культового характера (рис. 2).

В свете вышесказанного итоги раскопок Боспорской экспедиции ГМИИ им. А. С. Пушкина последних лет на Новом Верхнем Митридатском раскопе приобретают особое значение для изучения акрополя Пантикапея. Остатки святилища расположены на северном крае верхнего плато акрополя, на расстоянии около 40 м от Монумента героям, павшим в боях за освобождение Крыма, и примерно в 60 м от центральной части скалы Первого кресла горы Митридат; высота над уровнем моря составляет приблизительно 80 м (рис. 3).

Поскольку, как уже говорилось, раскопки еще не завершены, следует еще раз подчеркнуть, что речь пойдет лишь о части комплекса святилища, точнее — о двух смежных помещениях, остатках высеченной в скале монументальной лестницы и участках террас, на которых располагался

комплекс. Характерной его особенностью является то, что оба относящиеся к нему помещения частично вырублены в массиве материковой скалы, поэтому их полы и отчасти стены образованы горизонтальными и вертикальными подтесами (рис. 4).

Северное, меньшее по размерам помещение (помещение А) имеет в плане прямоугольные очертания: длина его западной стены составляет 6 м, длина южной стены равна 4 м. Северная и восточная стены не сохранились, но их основания довольно надежно фиксируются по имеющимся регулярным подтесам для квадратной кладки и нескольким оставшимся *in situ* квадратам и блокам. Насколько можно судить, стены имели значительную толщину: северная — 2,8 м, восточная — около 1,3 м. Южная стена, отделявшая помещение А от смежного, лежавшего южнее помещения Б, имела в своем основании специально подтесанный выступ скалы шириной до 2,2 м. Уровень пола помещения А лежит на 1,0—1,1 м ниже поверхности пола помещения Б. Таким образом, можно считать установленным, что эти два помещения были изолированы одно от другого.

Если о помещении А можно думать, что оно было замкнуто стенами со всех четырех сторон, то этого нельзя сказать о помещении Б: тщательные зачистки скалы и инструментальные измерения позволяют предполагать, что это помещение было ограничено стенами лишь с западной, юж-

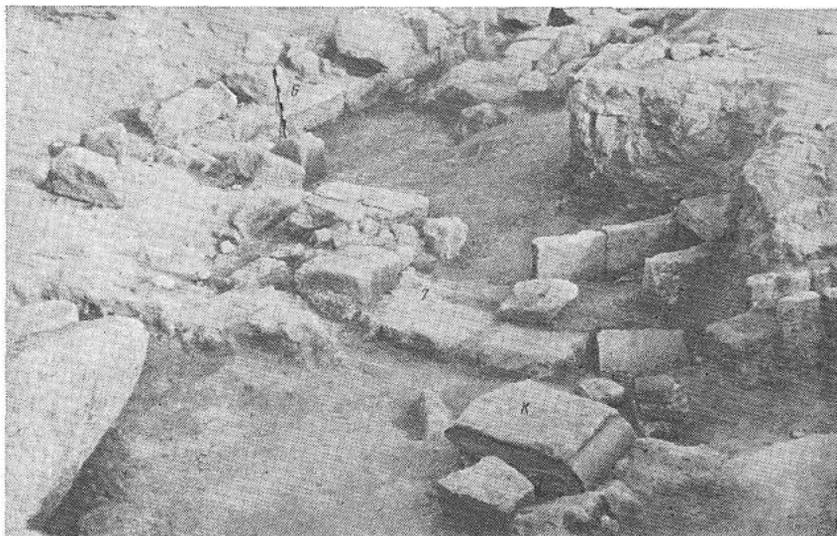

Рис. 5. Остатки подпорных стен террас святилища (кладки № 6, 7)

ной и отчасти с северной стороны, тогда как с восточной стороны стена отсутствовала. Дело в том, что восточная половина этого помещения имела пол, оформленный в виде ступенчатой плитовой вымостки, плавно понижавшейся в восточном направлении. Размеры помещения Б в плане: по западной стороне — 5,5 м, по южной — не менее 8 м. Как было отмечено, полами для обоих помещений служили тщательно обработанные подтеской горизонтальные участки скалы; кроме того, в помещении А поверхность скального пола была снабжена покрытием из плотного слоя розовой цемянки с крупными включениями керамической крошки (толщина слоя цемянки составляла около 5 см).

Важной конструктивной и планировочной особенностью рассматриваемого сооружения, обусловленной прежде всего условиями рельефа местности (комплекс расположен на склоне с крупными выходами материковой скалы), следует считать связь его с системой террас, на которых находятся помещения святилища. К основаниям подпорных стен террас относятся кладки № 6, 7 а также 18, значительная часть которых была открыта еще в 1949, 1952—1953 годах на Верхнем Митридатском раскопе (рис. 5). Подпорные стены возведены из регулярных, тщательно пригнанных насухо блоков известняка, уложенных в вытесанные в скале постели. Сохранившийся на высоту двух рядов участок кладки № 6 показывает, что лицевые плоскости образующих ее блоков были оформлены низким рустом. Выведена она в четкой ложково-тычковой системе, а поддерживаемое ядро террасы образовано заполнением из плотной материковой глины, скальной крошки и крупных наломов скалы. На других участках основанием террасы служит подтесанная скала.

Указанная выше особенность планировки комплекса проявилась и в организации входа (или, скорее, одного из входов) в святилище. Система регулярных подтесов, образывавших прочное основание подпорной северной стены террасы, указывает на то, что с этой стороны в толще подпорной стены был устроен входной проем шириной 0,9 м, который вел в коридор шириной до 1,5 м. Этот частично вытесанный в скале коридор

снабжен монументальной лестницей, поднимающейся в южном направлении. Ступени лестницы, сложенные из известняковых плит, покоились на широких ступенчатых подтесах скалы. При расчистке коридора было открыто шесть таких ступенчатых подтесов. Снабженный лестницей коридор проходил вдоль восточной стены помещения А. Можно предположить, что вход в помещение находился близ его юго-восточного угла. Далее коридор шел с некоторым отклонением к юго-западу, пересекая центральную часть помещения Б, и подходил к еще одному входному проему, основание которого отчетливо читается в южной стене помещения Б в виде подтеса шириной 1,6 м.

Несмотря на то что строительные остатки местами сохранились весьма слабо, мы все же имеем возможность сделать ряд выводов о характере оформления интерьера помещений святилища. В процессе раскопок установлено, что скальные подтесы, образующие западные стены помещений А и Б, имели облицовку из мраморных блоков и плит: в северном помещении, близ

северо-западного его угла, в первоначальном положении сохранился один из блоков цокольного ряда облицовки. В помещении Б *in situ* оказались все три блока, образовавшие цокольный ряд облицовки западной стены (рис. 6). Ширина блоков 0,3 м при высоте 0,2 м. Длина наибольшего из них, среднего составляла 2,3 м. Блоки были тщательно пригнаны один к другому, а также к скальной поверхности пола, причем для большей прочности они были уложены на прослойку цемянкового раствора.

Кроме этих сохранившихся на своих местах блоков в насыпи, перебивавшей остатки помещений, обнаружено еще 11 блоков и плит, несомненно, относящихся к облицовке стен святилища. Большинство из них найдено использованными вторично в обкладках раннесредневековых могил.

Все плиты и блоки облицовки могут быть разделены на два типа: тип *a* — прямоугольные плиты 0,5 × 0,6 м, толщиной 0,17—0,20 м; тип *b* — прямоугольные в сечении брусья 0,20 × 0,17 м, длиной 0,5—0,7 м. (рис. 7, 1, 2).

Поверхности блоков и плит облицовки несут следы обработки различными техниками: отески вчерне, тщательной отески, шлифовки. Внимательное рассмотрение поверхностей плит и блоков облицовки позволяет не только определить конфигурацию инструментов, применявшихся при их обработке (например, остроконечные орудия и «траянка»), но и сделать существенный вывод о том, что практически все найденные облицовочные плиты, по-видимому, использовались вторично, причем по своему прямому назначению, т. е. подгонялись заново. Практически все облицовочные плиты и блоки имеют по краям гнезда для пиронов, причем в некоторых из них сохранились остатки железных скреп со свинцовыми заливками.

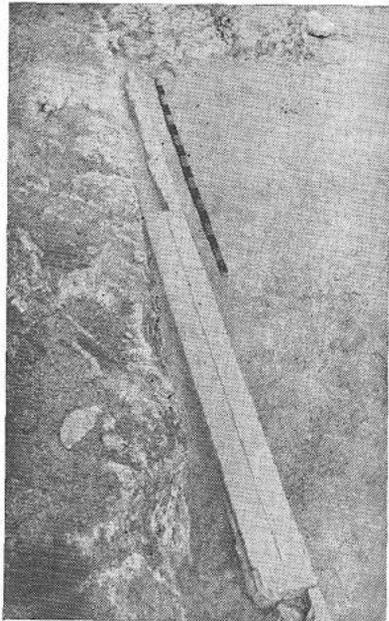

Рис. 6. Цокольный ряд мраморной облицовки, сохранившейся в помещении Б. Вид с юга

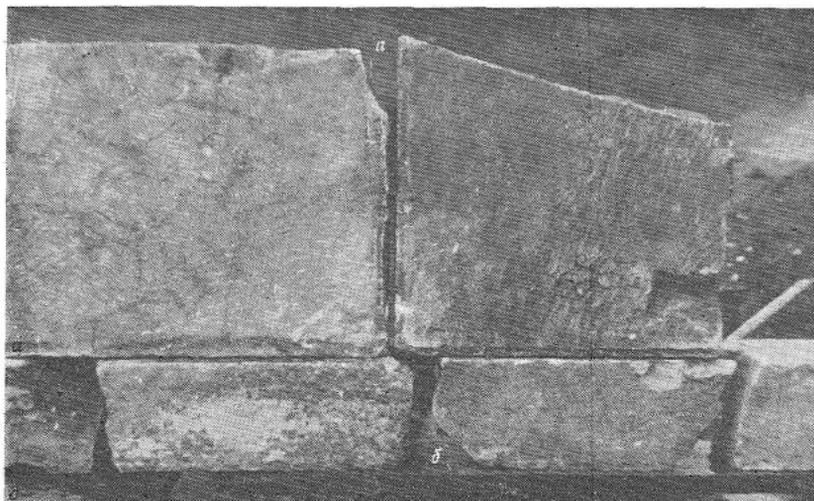

Рис. 7. Образцы облицовочных блоков: 1 — тип а; 2 — тип б

	Буквы I	Монограммы II	Знаки III	Граффито IV
1	Н		1	
2	λ	1	2	1
3	ς		3	
4	Σ		4	
5	Υ			
6	φ			

Рис. 8. Буквы, монограмма, знаки, граффито на облицовочных блоках из святилища

Следует особо подчеркнуть, что на лицевых или боковых сторонах почти всех блоков и плит облицовки обнаружены врезанные знаки в виде букв греческого алфавита, монограмм или символов. Скорее всего их следует рассматривать как метки каменотесов, облегчавшие монтаж элементов облицовки стен святилища. На это указывает, например, тот факт, что на двух мраморных брусках эти знаки в виде греческой буквы Υ повторяются (рис. 8).

Типы блоков и плит, а также их размеры и способы крепления позволяют в общих чертах реконструировать систему облицовки стен помещений святилища: она имитировала двухрядную орфостатную простую кладку (по классификации С. Д. Крыжицкого)¹². На это указывает и наблюдение, сделанное при изучении блоков облицовки. Дело в том, что

¹² Крыжицкий С. Д. О принципах классификации античных кладок Северного Причерноморья. — КСИА, 1981, вып. 168, с. 38—40; с. 39, рис. 2, 14.

Табл. I. Серебряные монеты: 1 — Фраат III (ГИМ, инв. 2746); 2 — Митридат III (ГИМ, инв. 2929); 3 — Ород II (ГИМ, инв. 2826); 4 — Ород II (ГИМ, инв. 2845); 5 — Фраат IV (ГМИИ, инв. 1242/257); 6 — Фраат IV (Ин-т истории АН ТуркмССР)

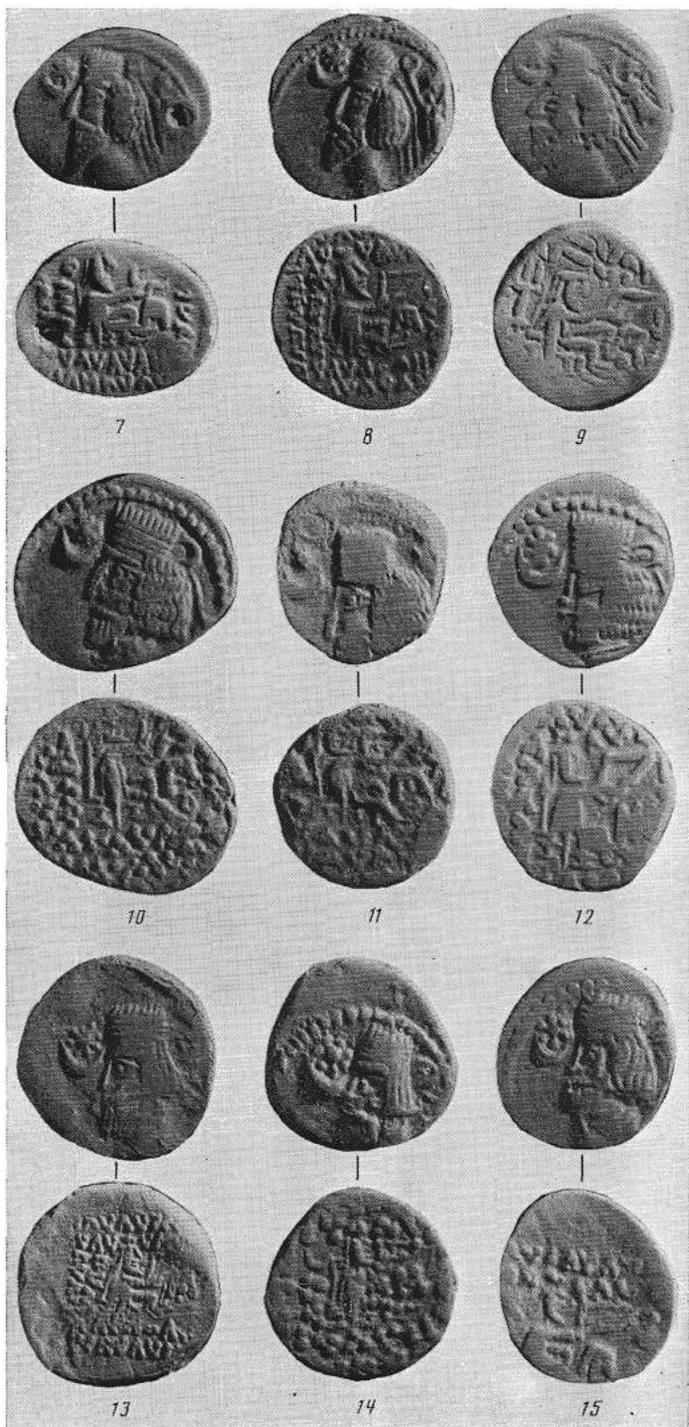

Табл. II. Серебряные монеты: 7 — Фраатак (ГЭ, инв. 21183); 8 — Фраатак (МИНУэ, инв. 11/15); 9 — Фраатак (ГМИИ, инв. 17265/4153); 10 — неизвестный правитель (ГЭ, инв. 21779); 11 — неизвестный правитель (ГМИИ, инв. 28349); 12 — то же «нисийский» чекан (ГЭ, инв. 20837); 13 — Артабан II (ГЭ, инв. 21504); 14 — Артабан II или Готарз II (ГИМ, СУС — 3244); 15 — Вардан I (?) (ГЭ, инв. 21780)

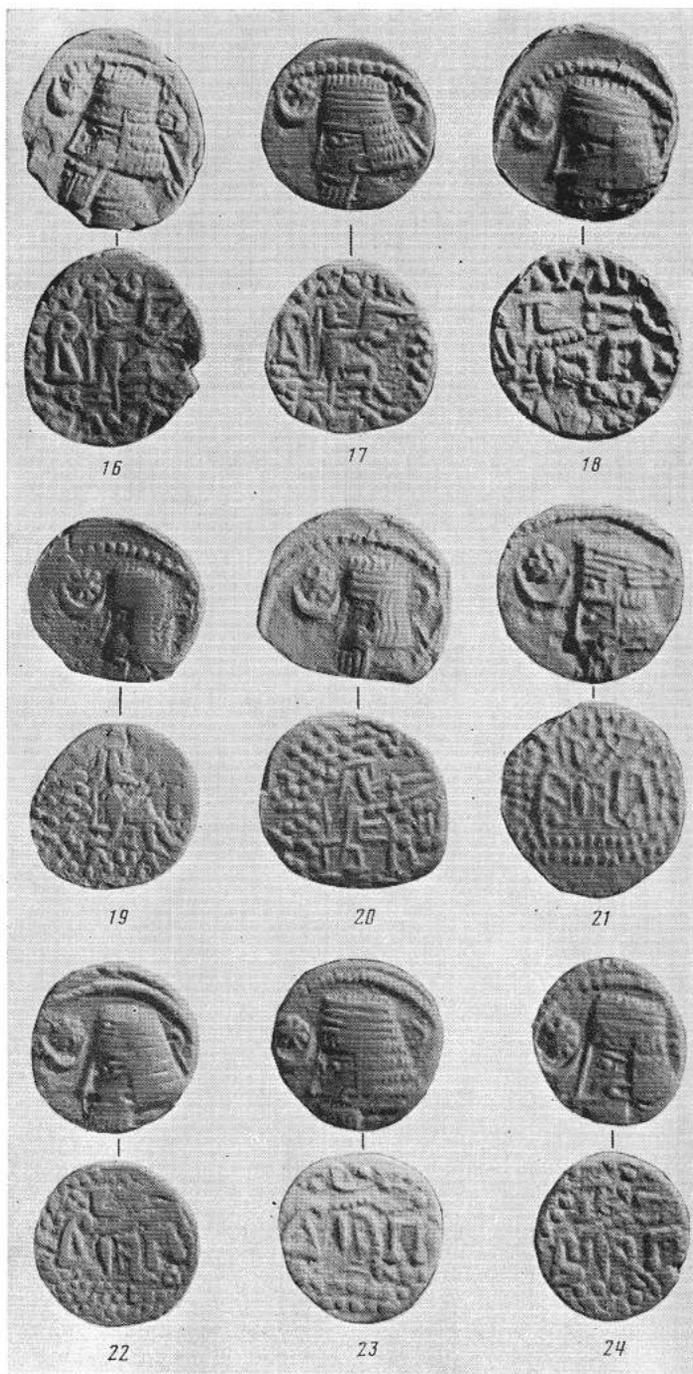

Табл. III. Серебряные монеты: 16 — Вологез I (ГЭ, инв. 21781); 17 — Вологез I (ГЭ, инв. 21782); 18 — Вологез I (?) (ГЭ, инв. 21503). Бронзовые монеты: 19 — тип 1 (ГЭ, инв. 21509), 20 — монета «нисийского» чекана (ГЭ, инв. 21506); 21 — тип 2 (частная коллекция); 22 — тип 3 (ГЭ, инв. 21508); 23 — тип 3 (ГЭ, инв. 21792); 24 — тип 4 (ГЭ, инв. 21793)

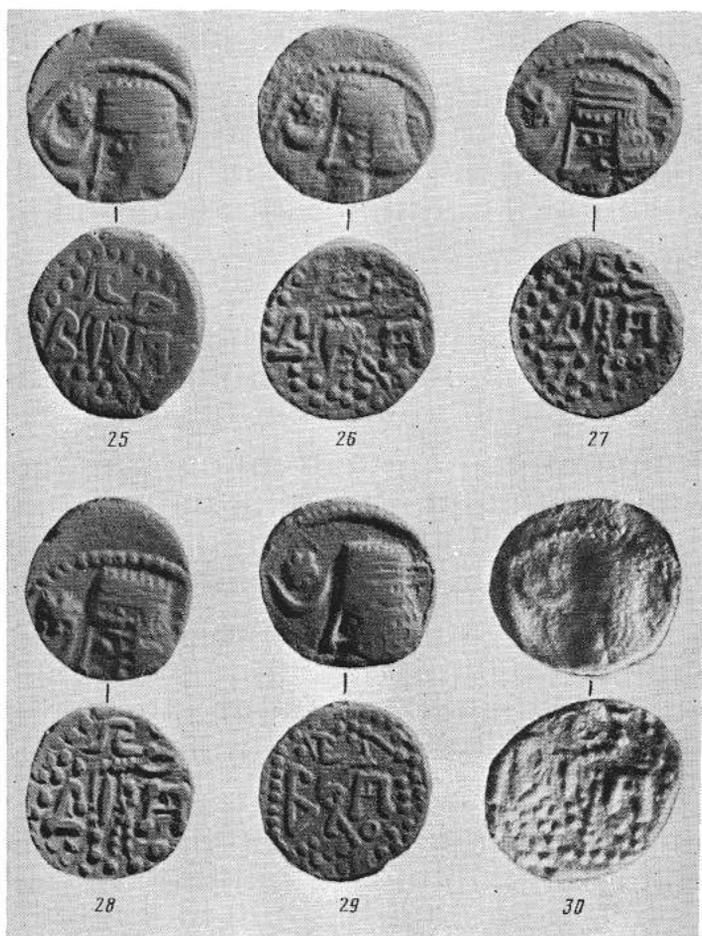

Табл. IV. Бронзовые монеты: 25 — тип 4 (ГЭ, инв. 21788); 26 — тип 4 (ГЭ, инв. 21791); 27 — 5 (частная коллекция); 28 — тип 5 (ГМИИ, инв. 17286); 29 — тип 3 (?) (ГЭ, инв. 21790); 30 — копии монет гипсовых «шаров»

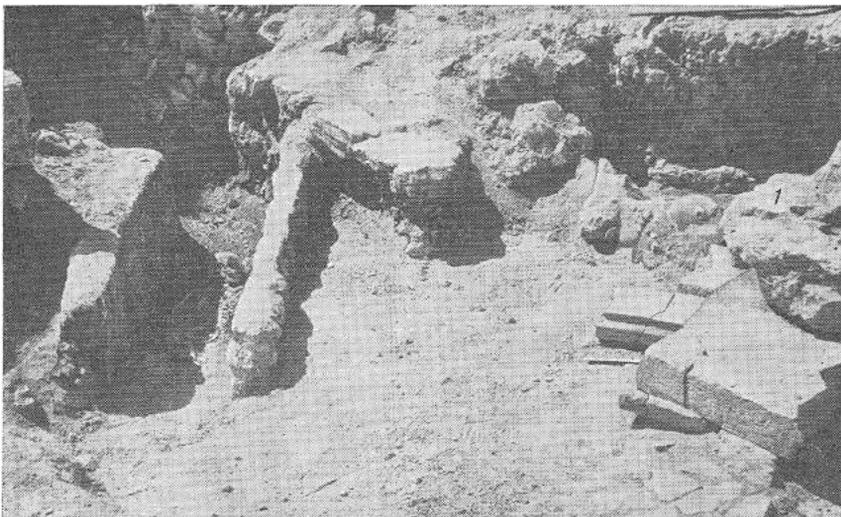

Рис. 9. Фрагменты крышки трапедзы в момент находки. Вид с востока

на лицевой шлифованной поверхности одного из узких блоков (тип б) обнаружено графитто, тщательно процарапанное острым, тонким инструментом. Графитто изображает знак (см. рис. 8, IV, 1), вертикальные галсы которого завершаются закрученными внутрь завитками. Значок выполнен уверенно, точно, несомненно, рукой взрослого человека, причем явно в тот период, когда блок, входивший в систему облицовки, находился на своем месте. Как было отмечено выше, самый нижний, лежавший на полу помещения ряд облицовки был оформлен в виде цоколя-плинта, выступавшего за плоскость плит облицовки на 0,12 м. В таком случае, поскольку мраморные брусья, образывавшие цоколь, имеют в сечении несколько большие размеры, чем блоки типа б, а кроме того, на одном из последних имеется описанное выше графитто, есть основания предполагать, что ряды орфостатных плит чередовались в системе облицовки с горизонтальными рядами узких блоков, причем такая конструкция могла быть применена как минимум до высоты человеческого роста (рис. 4, 2).

Мы не располагаем никакими данными о том, на какую высоту была поднята мраморная облицовка, доходила ли она до верха стен помещений и какова была их высота. В этой связи следует упомянуть о находке в помещениях святилища двух обломков, явно относящихся к элементам оформления интерьера: небольшого, тщательно выполненного из мрамора «сухарика» — детали фриза и фрагмента известняковой плиты с частью пилястра в виде ствола дорической колонны небольшого диаметра. Не исключено, что фриз с дентикулами («сухариками») мог относиться к карнизу, завершавшему облицовку стен, а известняковый фрагмент — к располагавшемуся выше, вероятно, раскрашенному (полихромному) другому поясу декорировки, однако все эти соображения — только гипотеза.

Открытым остается и вопрос о том, имели ли помещения с мраморной облицовкой перекрытия и кровлю. Сравнительно небольшие в плане размеры северного, меньшего помещения А, а также основания и следы стен, замыкавших его со всех сторон, позволяют предположить, что оно могло

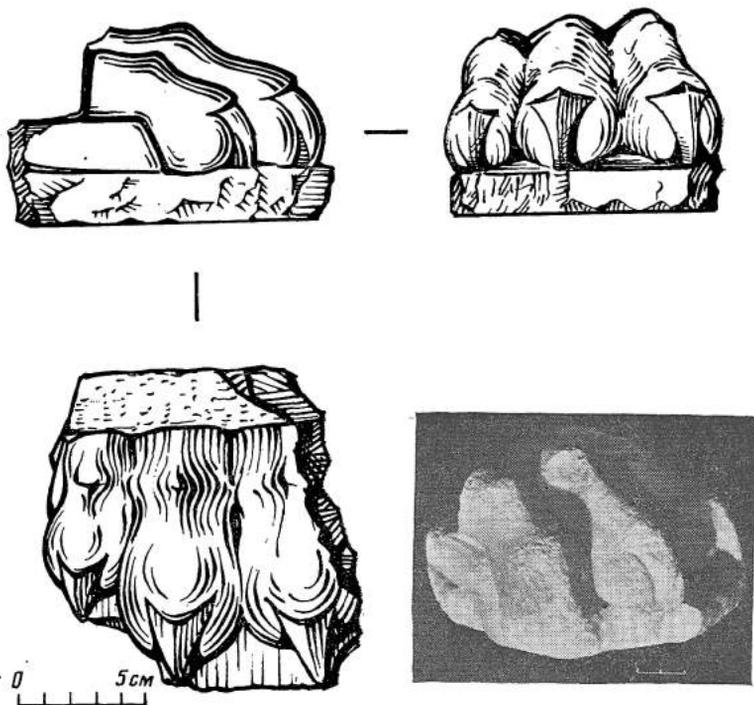

Рис. 10. Скульптурное завершение трапездофоры в виде лапы льва

быть снабжено кровлей. Что касается помещения Б, то относительно него этот вопрос остается открытым. Если и можно строить какие-либо предположения на этот счет, то речь может идти лишь о какой-либо разновидности односкатной кровли типа навеса, которая могла перекрывать лишь западную часть помещения Б.

Весьма важные выводы об особенностях конструкции и убранстве интерьера помещения А позволяют сделать обнаруженные на его полу в процессе раскопок обломки мраморного жертвенного стола-алтаря. Они располагались на расстоянии 2,7 м от южной и 1,25 м от западной скальной его стены, т. е. примерно в центральной части пола помещения (рис. 9). Крышка, выполненная из высококачественного голубоватого мрамора с серыми прожилками, оказалась разбитой на несколько кусков, сгруппированных в одном месте. Лишь один небольшой фрагмент был найден в 2 м к юго-западу от места находки остальных частей крышки стола. Условия находки этого памятника требуют специального рассмотрения, поскольку их анализ позволяет в известной мере ответить на вопрос о том, был ли стол первоначально установлен в помещении А или его крышка принесена сюда после разрушения комплекса из другого места.

Обломки крышки стола оказались перекрытыми юго-западной стеной позднеантичной или раннесредневековой постройки (кладкой № 1) (рис. 9). Следует отметить, что в момент раскопок они не производили впечатления специально вложенных в фундамент поздней кладки, а были именно перекрыты им. Дело в том, что эта кладка имела четко выраженную двухпанцирную конструкцию и довольно тщательно выведенные фасы. Поэтому трудно предположить, что строители, возводившие эту постройку и явно обладавшие определенными навыками в области планировки

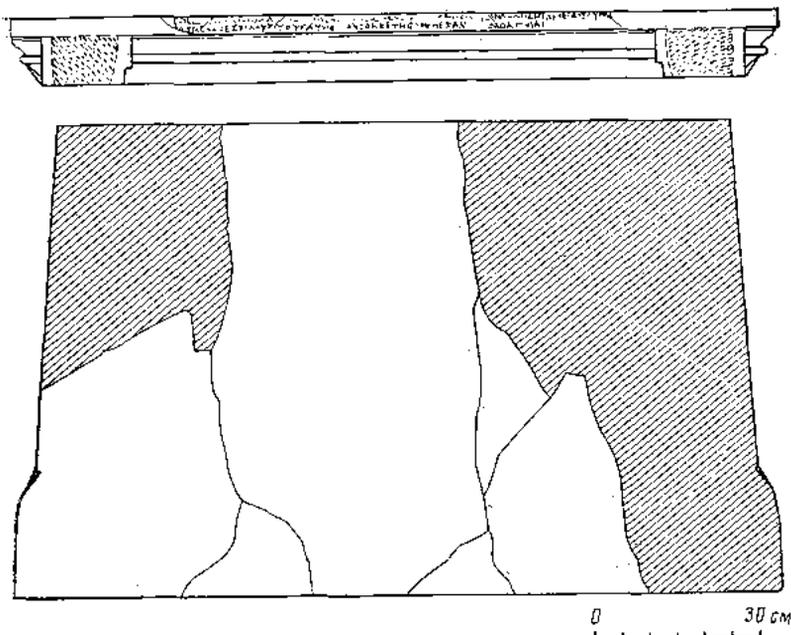

Рис. 11. Крышка трапедзы с посвящением царевны Сеннамотис (штриховкой показаны недостающие части)

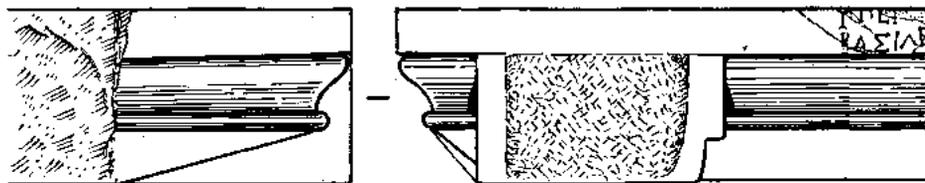

Рис. 12. Детали крышки трапедзы

помещений и кладки стен (постройка имела два прямоугольных в плане смежных помещения), не смогли более тщательно подогнать прекрасно отесанные грани крышки стола в соответствии с направлением кладки и ее габаритами. Между тем обломки крышки мраморного стола лежали без всякой системы, и их изломы сильно выдавались за фасы поздней кладки. Вероятнее другое: к моменту сооружения поздней постройки на месте уже разрушенного и частично перекрытого насыпью помещения святилища крышка жертвенного стола, когда-то стоявшего в интерьере помещения А, уже была разбита на части и лежала на цементном полу. При закладке фундамента стены позднего здания строители частично прорезали насыпь, накопившуюся над полом, и, наткнувшись на обломки стола, оставили их на месте, перекрыв фундаментом.

Есть и еще один, на мой взгляд, достаточно веский аргумент, позволяющий считать, что стол первоначально находился именно в том помещении, в котором были обнаружены фрагменты его крышки. Примерно в 2 м к востоку от места находки фрагментов крышки, в насыпи непосредственно над полом, была обнаружена еще одна важная деталь этого стола-алтаря — элемент оформления нижней части ножки стола-трапедзы

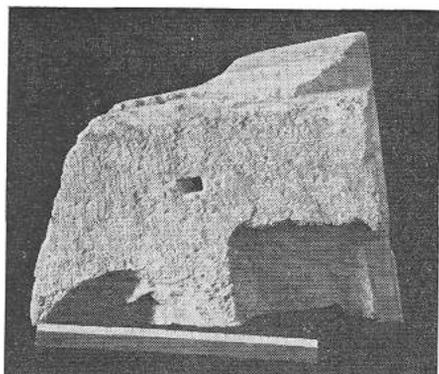

Рис. 13. Угловая часть крышки трапедзы. Вид снизу

ния святилища, скорее всего — именно помещения А.

Обломки крышки стола удалось собрать и сложить (рис. 11). Обнаружилось, что сохранилась большая ее часть (отсутствует лишь правый от зрителя угол), позволяющая составить полное представление о первоначальных размерах крышки, ее профилировке и особенностях конструкции, а также, что особенно важно, о способе монтировки стола в интерьере. Внешняя, обращенная к зрителю плоскость крышки украшена профилировкой, имеющей в сечении довольно сложный архитектурный облом, состоящий из полочки, каблучка и валика. Высота полочки равна 30—31, каблучка — 39 и валика — 11 мм. Таким образом, общая высота внешней профилированной стороны крышки трапедзы составляет 80—81 мм (рис. 12). По сохранившейся части крышки можно судить о том, что профилировка заходила и на боковые стороны, но не на всю их длину: профилем были украшены отрезки боковых сторон длиной 153 мм, непосредственно примыкавшие к углам крышки. Вероятно, крышка имела в плане следующие размеры: длина по внешней стороне — около 140, по тыльной стороне — около 125, ширина по боковым сторонам — 82,5 см.

Вся верхняя плоскость крышки стола, так же как профилированные фасадная и примыкающие к углам отрезки боковых сторон обработаны в высшей степени тщательно и отшлифованы, однако нижняя ее поверхность, тыльная сторона и непрофилированные участки боковых плоскостей подвергнуты лишь простой отеске (рис. 13). Характер и качество обработки этих поверхностей не позволяют сомневаться в том, что они не предназначались для обзора. Эти особенности обработки поверхностей и профилировки крышки, а также тот факт, что она имеет в плане трапециевидные очертания, причем сужение идет к тыльной стороне, не имеющей, как было отмечено, профилировки, приводят к мысли о том, что этот жертвенный стол не мог быть просто приставлен к одной из стен помещения и тем более не мог находиться в удалении от стен. Отсюда следует вывод, имеющий принципиальное значение: стол-алтарь должен был монтироваться в нише или в каком-то заглубленном в плоскость стены сооружении типа эдикулы. Вовне, за границу ниши, должна была выступать примерно на 15 см лишь наружная, профилированная часть крышки стола, тогда как большая часть плоскости крышки примерно на 68 см должна была быть заглублена в нишу. Характер отески боковых плоскостей крышки трапедзы и ее общая конфигурация в плане говорят о том, что наружные грани облицовки ниши или пилястр, обрамлявших ее, были оформлены

в виде скульптурно выполненной лапы льва с выпущенными когтями (рис. 10). Важно отметить, что эта деталь не составляла с основной частью ножки стола единого целого, а была выполнена из другого куска мрамора и крепилась к ней. Трудно предположить, что эта маленькая приставная деталь ножки трапедзы могла быть принесена откуда-то из другого места вместе с демонтированной тяжелой крышкой и брошена рядом в помещении А. Приведенные соображения дают основания предполагать, что жертвенный стол-трапедза был важной составной частью интерьера помеще-

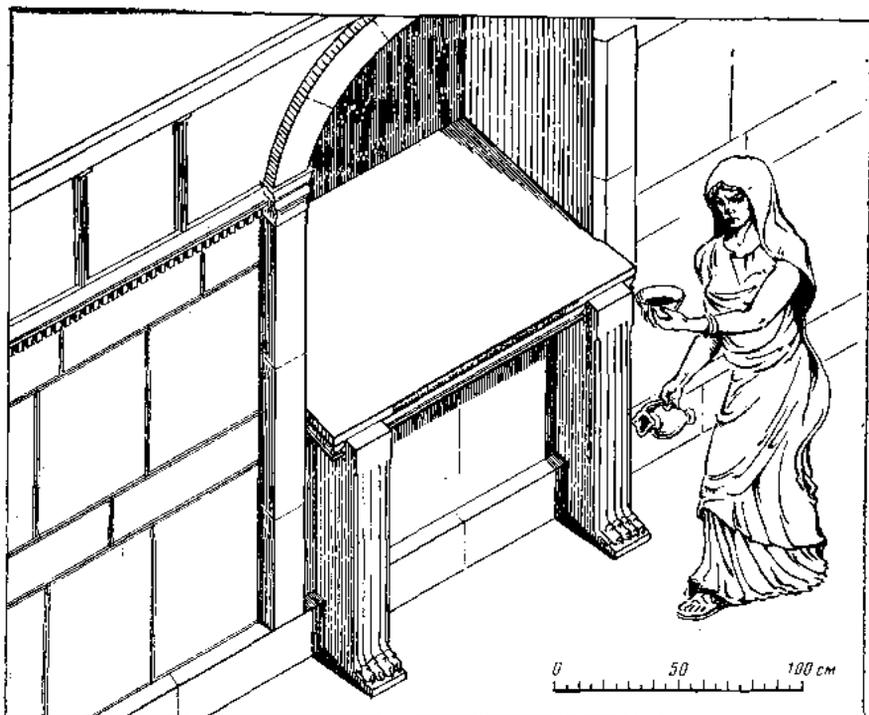

Рис. 14. Вариант размещения жертвенного стола в интерьере помещения А (реконструкция В. П. Толстикова)

фаской шириной около 60 мм. Конфигурация крышки стола, несомненно, должна была повторять в плане трапециевидные очертания ниши. Следовательно, боковые стены ниши не могли быть параллельны, а должны были суживаться внутрь, т. е. здесь был применен специальный архитектурный прием, подчеркивавший архитектуру ниши или эдикулы и создававший зрительную иллюзию большей ее глубины (рис. 14).

К сожалению, неполная сохранность объекта не позволяет точно определить, в какой из стен помещения находилась ниша с алтарем-трапедзой. Но в конечном счете не столь важно, с какой стороны она была устроена (скорее всего — в западной стене помещения), принципиальное значение имеет сам факт наличия в интерьере помещения святилища ниши, специально приспособленной для монтажа в ней стола-жертвенника. Это обстоятельство представляет дополнительные и притом весьма важные данные для выяснения вопроса о функциональном назначении исследуемых помещений комплекса.

Но жертвенный стол был не только важным (если не важнейшим) элементом в интерьере, он представляет собой и уникальный эпиграфический памятник: на фасадной, профилированной стороне крышки, на полочке профиля имеется двухстрочная древнегреческая надпись. О значении посвячительной надписи как исторического источника, проливающего свет на один из сложнейших моментов боспорской истории, а также истории скифо-боспорских отношений в период, непосредственно предшествующий включению Боспорского царства в державу Митридата Евпатора, речь идет в публикуемой в этом же номере ВДИ статье

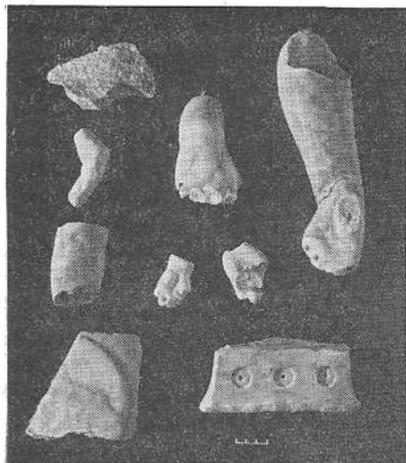

Рис. 15. Скульптурные и архитектурные фрагменты из святилища

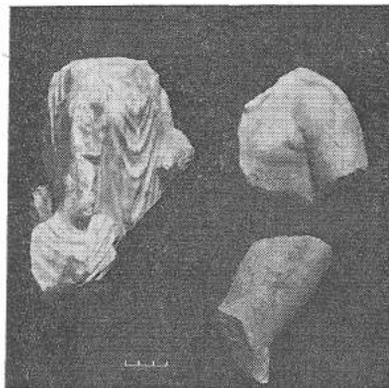

Рис. 16. 1 — фрагмент гекатейона; 2 — фрагмент скульптуры Приапа (?) или Пана (?)

Ю. Г. Виноградова, датирующего надпись 30—40-ми гг. II в. до н. э. (см. рис. 1 его статьи). В контексте же данного исследования принципиальное значение имеет содержащаяся в надписи информация относительно цели и характера посвящения (за царя Перисада), о том, кому и кем сделано это посвящение (женскому божеству по имени Дитагойя — скифской царевной Сенамотис, дочерью царя Скилура, женой Гераклида); наконец, в высшей степени показателен и важен сам объект посвящения — жертвенный стол (трапедза,) выполненный с соблюдением всех норм греческой (боспорской) сакральной и архитектурной традиций и снабженный соответствующей надписью.

Помимо этой находки в помещениях святилища обнаружено значительное количество обломков скульптуры из высококачественного мрамора, а также фрагмент мраморного лутерия (рис. 15). Из этих фрагментов наибольший интерес представляют следующие: часть гекатейона, обломок (часть торса) небольшой скульптуры Силена или Приапа, кисть руки и часть ступни в сандалие от скульптуры, изображавшей женскую фигуру больше натуральной величины. Анализ этих фрагментов дает материал, позволяющий приблизиться к решению вопроса о том, какому кругу божеств было посвящено исследуемое святилище, а следовательно, и какое божество стоит за неизвестным именем Дитагойя.

Первый и наиболее выразительный из перечисленных фрагментов представляет собой часть небольшого гекатейона, выполненного в виде трехгранной призматической гермы, образующей композиционный центр скульптуры, на гранях которой помещены фигурки танцовщиц или Харит¹³ (рис. 16, 1). По мнению Л. И. Акимовой, специально исследовавшей данный фрагмент, он принадлежит к кругу гекатейонов с танцовщицами редкого типа и не имеет пока полных аналогий в античном искусстве. Ряд характерных композиционных особенностей, стилистические приемы и техника изготовления дают основание видеть в пантикапейском

¹³ Акимова Л. И. Новый памятник скульптуры из Пантикалея (к проблеме гекатейонов). — ВДИ, 1983, № 3, с. 66—87.

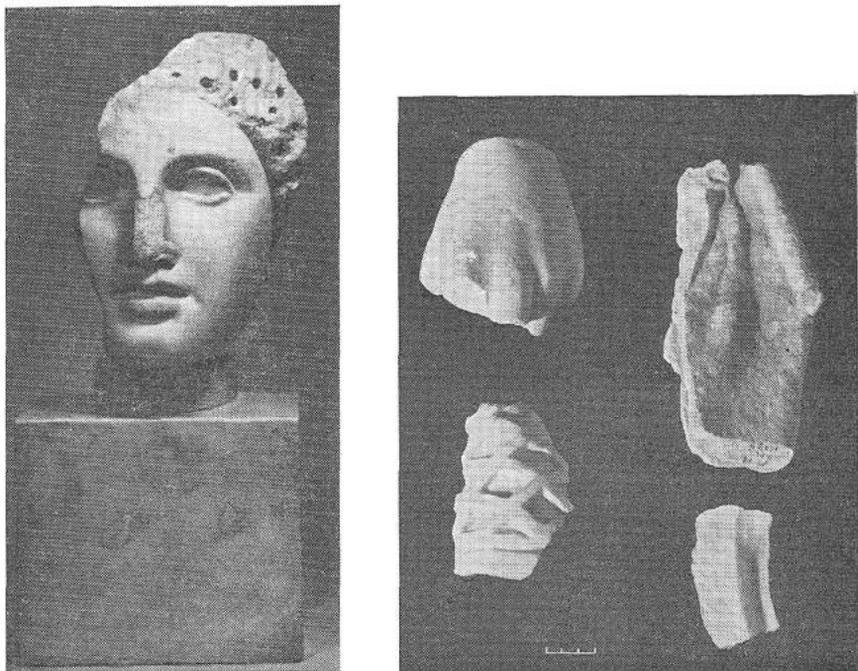

Рис. 17. Фрагменты статуи Артемиды — Гекаты (?), найденные в святилище в 1978—1979 гг. (слева); фрагментированная голова статуи Артемиды — Гекаты (?), найденная в 1949 г. (справа)

памятнике образец скульптуры неаоттического стиля, датируемый I в. н. э.¹⁴

Еще два скульптурных фрагмента из помещения А — часть левого плеча и торса, а также обломок левого бедра — принадлежат мужской фигуре, которая в первоначальном виде, надо полагать, не превышала в высоту 60 см (ГМИИ М-78, НВМ п.о № 310; 333) (рис. 16, 2). Скульптура изображала мужчину с бородой, ниспадающей на верхнюю часть груди и полностью закрывающей спереди шею. При этом фигура изображенного персонажа не имела развитой атлетической мускулатуры, напротив, ей были приданы мягкие, округлые очертания, что еще более подчеркивалось характерными складками, поднимавшимися от подмышек вверх по внешним сторонам мягко моделированных грудных мышц и горизонтальными складками на внутренних сторонах бедер. Ноги, насколько можно судить, были изображены с сильно выступающими коленными чашечками и заметно искривленными в голених. Скорее всего фигура была обнажена, поскольку ни на фрагменте торса, ни на сохранившейся части бедра нет никаких признаков одежды или драпировки. Перечисленные особенности изображения, а именно наличие пышной бороды, округлые, даже несколько женственные, лишенные развитой мускулатуры формы фигуры, отсутствие одежды и, наконец, отчетливо выступающие черты гротеска в изображении этого мужского персонажа, дают основание ви-

¹⁴ Там же, с. 68—72.

деть в этих фрагментах части скульптуры Силена или, что более вероятно, Приапа¹⁵.

Два других обломка — фрагментированная кисть левой руки и пяточная часть обутой в плетеную сандалию ступни — принадлежат статуе, изображавшей женскую фигуру, размеры которой значительно превышали натуральную величину (ГМИИ М-78, НВМ п.о. № 78; М-79, НВМ п.о. № 9) (рис. 17, 2, 3). Оба обломка выполнены из высококачественного белого мрамора. Фрагмент, представляющий собой кисть левой руки скульптуры, имеет ширину на уровне четырех верхних фаланг пальцев 11 см, охват запястья составляет 24,1 см. Тыльная и боковые поверхности скульптурного изображения кисти моделированы мягко, без резких выступов, без передачи рисунка сухожилий и вен, характерных, например, для изображения мужской руки. Несмотря на то что все пальцы кисти отбиты под основания, можно с уверенностью заключить, что они были изображены в согнутом положении, явно держащими какой-то предмет округлой в сечении формы. Это подтверждается также и наличием на внутренней стороне ладони, обработанной, кстати, довольно суммарно и с применением сверла, характерной, хорошо заметной продольной ложбинки округлых очертаний, несколько деформирующей ладонь. У основания большого пальца на внутренней стороне ладони сохранился характерный округлый выступ, указывающий на то, что кисть руки скульптуры соприкасалась со складками одежды. Приведенные наблюдения позволяют предположить, что левая рука скульптуры была изображена свободно опущенной вниз, а кисть ее, соприкасавшаяся со складками одежды, сжимала какой-то атрибут круглого сечения, диаметром около 3 см.

Фрагмент, представляющий пяточную часть ступни скульптурного изображения, обутой в плетеную сандалию на толстой подошве, имеет высоту 12,2 см. Поверхность его также тщательно обработана и отшлифована. Судя по сколу, идущему по границе подошвы, эта ступня фигуры (по-видимому, левая) была представлена плотно стоящей на основании-постаменте, т. е. принадлежала опорной ноге статуи.

Рассмотрение двух последних фрагментов заставляет нас обратиться к одной замечательной находке, сделанной в 1949 г. на Верхнем Митридатском раскопе, продолжением которого, как отмечалось, является Новый Верхний Митридатский раскоп. Речь идет о частично фрагментированной голове мраморной статуи, изображавшей женское божество, обнаруженной Н. М. Лосевой в ходе раскопок примерно в 10 м к северу от того участка, где впоследствии были открыты остатки помещений святилища, в той же насыпи, которая перекрывает их и связана с периодом его разрушения и выборки. Великолепная голова богини, служащая украшением экспозиции зала подлинников античного искусства ГМИИ им. А. С. Пушкина, определена Н. М. Лосевой как принадлежащая статуе Афродиты, представлявшей собой греческую копию I в.н.э.¹⁶ (рис. 17, 1). Ее аргументы в пользу этой датировки возражений не вызывают, но атрибут представляется несколько субъективной, и «близость типа головы Лабурд к пантикапейской голове» вряд ли может считаться «несомненной»¹⁷. Массивность и некоторая тяжеловесность пропорций лица

¹⁵ Roscher W. H. Ausführliches Lexikon der griechischen und römischen Mythologie. Bd. III, 2. Lpz., 1902—1909, Sp. 2967—2990.

¹⁶ Лосева Н. М. Голова Афродиты из раскопок Пантикапея в 1949 г. — ВДИ, 1954, № 1, с. 165—168.

¹⁷ Там же, с. 168.

пантикапейской головы богини в сочетании с фронтально устремленным, пристальным взглядом больших, затененных надбровными дугами карих глаз (на поверхности изображения глазных яблок сохранились отчетливые следы красновато-коричневой краски), четкая, несколько жестковатая моделировка лишенных улыбки губ — все это не позволяет, на мой взгляд, интерпретировать эту голову как изображение Киприды. Ощущение холодного, строгого величия должно было еще более подчеркиваться массивным металлическим головным убором, украшавшим голову пантикапейской богини. Глубокие отверстия с остатками свинцовых стержней — следы крепления этого убора — отчетливо видны на поверхности изображения волос сохранившейся части головы богини.

Весьма интересные наблюдения позволяет сделать пропорциональное сопоставление головы богини находки 1949 г. с описанными выше обломками скульптурных изображений кисти левой руки и ступни, обнаруженными в помещении А святилища в 1978—1979 годах, как между собой, так и с соответствующими частями статуарных изображений женских фигур, хранящихся в коллекции Отдела античного мира ГМИИ им. А. С. Пушкина (раздел античных слепков). Натурное сопоставление показало, что скульптурная женская фигура с головой, имеющей высоту лица от края подбородка до границы волос, равную 21 см (именно такую высоту имеет лицо пантикапейской богини), должна была в силу пропорциональных соотношений элементов иметь кисти рук именно такого размера, как у фрагмента, найденного в 1978 г. в святилище. Аналогичный вывод позволяет сделать и сравнение обломка ступни ноги в сандали из помещения святилища.

Предположению о том, что голова богини, найденная в 1949 г., и обломки кисти руки и ступни женской скульптуры, обнаруженные в 1978—1979 годах, могут принадлежать одному скульптурному изображению женского божества, не противоречит и визуальное сличение фактуры и цвета мрамора на сколах всех трех фрагментов, а равно и техника обработки поверхностей. Сказанное дает основание предполагать, что в процессе раскопок 1949, 1978—1979 годов на Верхнем Митридатском и Новом Верхнем Митридатском раскопах обнаружены фрагменты одной скульптуры, изображавшей женское божество. Первоначальная высота статуи должна была составлять примерно 2,3—2,4 м (не считая высоты постамента).

Естественно, принципиальное значение имеет вопрос, какое женское божество изображала эта статуя. Несмотря на весьма малое количество обнаруженных пока фрагментов, которые можно с известной степенью вероятности отнести именно к данному статуарному изображению, мы, привлекая сопутствующий материал, а также информацию, полученную из посвятительной надписи царевны Сенамотис и двух других эпиграфических документов, обнаруженных в прежние годы на Верхнем Митридатском раскопе, попытаемся, конечно в виде гипотезы, ответить на этот вопрос.

Прежде всего — о сопутствующих скульптурных материалах. Помимо перечисленных выше фрагментов в помещениях святилища и в насыпи, перекрывавшей их, было обнаружено еще несколько фрагментов скульптуры, преимущественно обломки изображений рук, в размерах меньше натуры или совсем миниатюрных. Все эти части также выполнены в белом мраморе. Примечательно в этой связи то, что все эти фрагменты также принадлежат женским фигурам и, что особенно важно, на всех трех обломках кистей изображений левых рук статуй отчетливо заметны

характерные, специально вытесанные ложбинки, предназначавшиеся для монтировки круглых в сечении атрибутов, выполненных из других материалов. Очевидно, эти фрагменты представляют собой как бы уменьшенные копии кисти руки большой, по-видимому, центральной статуи святилища. Только единственный обломок, представляющий собой кисть правой руки женского статуарного изображения, плавно изогнутой в кистевом сгибе, свидетельствует о том, что в ней не было никаких предметов, ладонь была раскрыта, а пальцы — изящно вытянуты.

Сопоставление всех приведенных выше скульптурных фрагментов позволяет, в очень осторожной форме конечно, предположить, что в исследуемом святилище на акрополе Пантикапея помимо основной, центральной статуи, изображавшей женское божество, которому был посвящен этот культовый комплекс, находились многочисленные скульптурные изображения этого божества, но меньших размеров, однако, вероятно, исполненные по аналогичной или близкой композиционной схеме. Гипотетическая реконструкция внешнего облика исследуемого центрального статуарного изображения богини позволяет наметить следующую композиционную схему: фигура была выполнена стоящей в полный рост, причем одна ее нога, по-видимому левая, всей ступней опиралась на постамент; левая рука, несколько согнута в локте, опущена вниз, а ее сомкнутые без напряжения пальцы удерживали круглый в сечении предмет, например жезл, копьё, рукоять лука (?). Правая рука была изображена довольно сильно согнутой в кистевом суставе, с плавно вытянутыми пальцами, без каких-либо атрибутов. Насколько можно судить, обе руки были обнажены как минимум до локтя. Голова статуи могла быть расположена фронтально или с небольшим поворотом, взгляд карих глаз, выполненных краской по поверхности мрамора, устремлен прямо. Голову украшал массивный головной убор, выполненный из металла (бронзы или серебра). Тело богини прикрывала складчатая одежда (обломки скульптурно моделированных складок одежды также обнаружены в помещении святилища) (рис. 17, 4), которая, впрочем, оставляла открытыми полностью или частично голени ног, которые были изображены обутыми в сандалии на толстой подошве, с довольно высоким ремненным плетением.

Реконструируемый облик скульптуры и ее композиционная схема позволяют искать аналогии, на мой взгляд, прежде всего среди статуарных изображений богини Артемиды, причем, по-видимому, в наиболее распространенной ее ипостаси — в образе Великой Ловчей-Охотницы¹⁸.

Это предположение может быть подкреплено двумя эпиграфическими свидетельствами, обнаруженными на Верхнем Митридатском раскопе в 1949 г. Речь идет о посвянительной надписи Артемиде Эфесской, вырезанной на фрагменте ножки бронзового треножника (?)¹⁹, а также о посвящении царя Фарнака Артемиде-Советнице (КВН 28). Находка двух этих надписей в непосредственной близости от остатков святилища не может считаться случайной. Весьма важно в контексте нашего исследования также и то, что оба посвящения, хотя они относятся к разным периодам истории Пантикапея и хронологически отделены отрезком времени примерно в 350 лет, сделаны одному и тому же божеству — Артемиде — и найдены рядом.

Совокупность всех имеющихся фактов и наблюдений позволяет предположить, что в процессе раскопок 1978, 1979, 1982 годов на Новом Верх-

¹⁸ Ср. *Reinach S. Répertoire de la statuaire grecque et romaine. T. IV. P., 1910, p. 187, № 2.*

¹⁹ *Розанова Ук. соч., с. 130—132.*

нем Митридатском раскопе открыты остатки святилища божества круга Артемиды. находка в помещении А гекатейона указывает на то, что богиня могла почитаться здесь и как Артемидо-Геката, о чем может свидетельствовать обнаруженная здесь же фрагментированная скульптура Приапа — единственное изображение мужского персонажа среди всех скульптурных обломков, найденных в святилище. Приап, как известно, был одним из сопутствующих божеств хтонического круга, подчеркивавших животворящие функции Гекаты, и почитался вместе с нею²⁰. Примеры тому мы находим прежде всего в Малой Азии: в Траллах существовало святилище Приапа (Πριάπιον), расположенное рядом со святилищем Гекаты; в Киазике наряду с Гекатой существовал местный культ Приапа; также и на острове Фера Геката с эпikleвами πολυβουκος, φασφόρος почиталась наряду с Приапом²¹.

Геката принадлежала к числу наиболее чтимых и вместе с тем наиболее грозных хтонических божеств, культ которых распространился по всему античному миру из внутренних областей Кари и прилегавших к ней районов Малой Азии, где издревле существовало почитание великих женских божеств плодородия — Великой Матери, Кибелы, Артемиды, Астарты²². Наиболее тесно в религиозных представлениях древних Геката была связана с Артемидой, причем с самой таинственной, хтонической ее ипостасью. Отождествляясь с Артемидой, Геката приобретала и присущие той атрибуты — лук и колчан со стрелами и часто изображалась в виде Охотницы. Будучи божеством подземного мира, колдовства и магии, Геката рассматривалась как поведительница призраков и демонов, вещей кошмарных снов, родоначальница и царица всего рода колдуний. Она считалась, например, матерью волшебницы Кирки, под ее покровительством находилась Медея²³. При таком понимании сущности этой богини становится объяснимой вера в то, что она обитает в углах волшебного очага-алтаря, а для того чтобы грозная богиня явилась, следует призвать ее семь раз; в иных случаях произносить ее имя было запрещено, поэтому она именовалась также "Αφραττος — Неназываемая.

Выступая в качестве богини подземного мира, Артемидо-Геката отождествлялась с такими богинями этого круга, как Персефона, Эмпуса, Нюкта, Бендида, Ифигения, Ирида. В последней ипостаси Геката выполняла функции Привратницы Аида (Προφύραϊα), открывавшей вход в нижний мир²⁴. Именно функции охранительницы входа, Привратницы и обусловили в конечном счете возникновение образа тройной Гекаты с соответствующими атрибутами: факелом, мечом и ключом. Одним из наиболее ранних художественных воплощений этого образа считается статуя Гекаты Эпипиргии (Ἐκὰτῃ Ἐπιπυργίᾳ), созданная аттическим мастером Алкаменом и установленная при входе на афинский Акрополь, на так называемом Пиргосе, где она почиталась, по-видимому, вместе с Харитамы (Paus., II, 30, 2; IG, II², 5050).

Почитание Гекаты (хтонической Артемиды) было неразрывно связано со сложнейшим комплексом религиозных представлений человека античной эпохи, и прежде всего замужней женщины, поскольку, согласно верованиям древних, это грозное женское божество, стоявшее на грани

²⁰ Roscher. Op. cit., Bd. III, 2, Sp. 2974.

²¹ Ibid., Bd. I, 2, Sp. 1886.

²² Ibid., Bd. I, 2, Sp. 1886; Kraus Th. Hekate. Studien zu Wesen und Bild der Göttin in Kleinasien und Griechenland. Tl. I—III. Heidelberg, 1960.

²³ Roscher. Op. cit., Bd. I, 2, Sp. 1894—1897.

²⁴ Ibid., Sp. 1859.

двух миров, могло отвращать болезни, несчастья в семейной жизни, порчу, охранять брачный союз и детей, а также способствовать благополучному их рождению²⁵. Таким образом, культ Гекаты имел ярко выраженную апотропейскую функцию, что нашло свое отражение, в частности, и в пластически оформленных символических изображениях богини — гекатейонах²⁶. В сложной, многоплановой символике гекатейона отчетливо выступает одна особенность, которую, по меткому выражению Л. И. Акимовой, можно определить как «исключительную доминанту женского начала»²⁷. Действительно, в круге вспомогательных божеств — спутников Гекаты не встречается ни одного мужского персонажа, исключение составляют лишь Пан и Приап — хтонические божества, олицетворяющие животворящие силы природы²⁸.

Эти специально выделенные в нашем кратком экскурсе специфические аспекты культа Артемиды-Гекаты позволяют под совершенно определенным углом зрения рассматривать характер сделанного дочерью Скилура посвящения, приблизиться к пониманию заложенного в нем эзотерического смысла.

Прежде всего остановимся на вопросе о том, какое место отводилось жертвенным столам в античной сакральной практике, с почитанием каких божеств они были связаны²⁹. Жертвенный стол, *τάβηλα* играл весьма существенную роль в религиозных представлениях и практике древних. Иногда он помещался непосредственно перед алтарем, который в свою очередь располагался в задней части храма, в собственно *ναός*, перед изображением божества. Зачастую вместо постоянного алтаря вообще имелся только жертвенный стол. Стол и алтарь часто назывались вместе; стол также считался священным, отсюда — *ἱερά τάβηλα*. Эти храмовые столы предназначались для размещения жертвенных сосудов, возложения жертвенных животных и особенно для приношений, которые не сжигались, а только посвящались божеству, например жертвенных хлебов, вина, фруктов, цветов. Таким образом, стол имел функции алтаря³⁰.

Чрезвычайно интересен и показателен в этой связи комплекс предметов, найденных при раскопках храма Артемиды в Авлиде³¹. Прежде всего обращает на себя внимание то обстоятельство, что его состав почти полностью совпадает с составом находок в помещениях святилища на акрополе Пантикапея. В храме, состоявшем из трех помещений — адитона, целлы и простона и посвященном Артемиде Авлидской (*Aulideia*), как явствует из надписи, открытой в помещении храма, в юго-западном углу адитона *in situ* был обнаружен треугольный постамент, предназначав-

²⁵ Nilsson M. P. *Geschichte der griechischen Religion*. Bd. I. München², 1955, S. 724; Акимова. Ук. соч., с. 77—80.

²⁶ Акимова. Ук. соч., с. 72—77.

²⁷ Там же, с. 77.

²⁸ В связи с этой специфической чертой культа Гекаты хочу еще раз обратить внимание на весьма показательный и, конечно, отнюдь не случайный состав скульптурных фрагментов в исследованных помещениях пантикапейского святилища (ср. выше).

²⁹ О жертвенных столах и столах как элементе архитектурного оформления интерьеров античных зданий см. *Studnicka F.* Das Symposium Ptolemaios II. nach der Beschreibung des Kallixeinos wiederhergestellt. XXX. Bd. der Abhandlungen der philol.-hist. Kl. der Königl. Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften, № 11, Lpz, 1914, S. 162 f.; 130, Abb. 33; *Pernice E.* Hellenistische Tische, Zisternenmündungen, Beckenuntersätze, Altäre und Truhen.— In: *Die hellenistische Kunst in Pompeji*. Bd. V. B.—Lpz, 1932, S. 1—11; *Bakalakis G.* *Ἑλληνικά τραπέζοφóra* Salonicco, 1948.

³⁰ RE, Bd. XV, 1931, Sp. 946 (Mensa).

³¹ BCH, 1959, LXXVIII, II, p. 683—687 (Chronique des fouilles en 1958. Première partie. L'activité archéologique en Grèce sauf les travaux de l'École Française d'Athènes. Aulis).

шийся, вероятно, для статуи троицной Гекаты³². Помимо него в храме найдены две мраморные трапедзофоры, фасадные стороны которых украшены снизу скульптурными лапами льва, опирающимися на невысокие подставки³³. Насколько можно судить, ножки трапедзы из пантикапейского святилища имели аналогичное оформление; более того, судя по приведенной фотографии, трапедза из храма Артемиды Авлидской (крышка ее не сохранилась) также должна была быть несколько заглублена в какое-то сооружение типа адикулы или наоса, выступая из него лишь на одну треть своей глубины. Рядом в ходе раскопок обнаружили также мраморную статую, изображавшую, по мнению Ю. Трепснадиса, исследовавшего памятник, богиню Гекату. Статуя имела размер несколько больше натуральной величины³⁴. Храм, сооруженный в V в. до н. э., продолжал функционировать до конца эллинистической эпохи.

Особое место жертвенный стол занимал в культе героев, героизированных умерших и хтонических божеств. Священные столы служат неизменным атрибутом в сценах загробного пира героя. В героонах наряду со статуями героев и алтарями для воскурений обычно помещались и столы для жертвенной пищи (τράπεζα) и ложа (κλίνη)³⁵. Такие столы и их фрагменты, главным образом трапедзофоры, были неоднократно обнаружены при раскопках святилищ, героонов, а также погребальных склепов, выполнявших функции героонов. Например, фрагмент нижнего скульптурного оформления трапедзофоры в виде львиной лапы на низком постаменте, близкий пантикапейскому, обнаружен в знаменитом герооне в Триса-Гьельбашах³⁶. Еще более близкую аналогию пантикапейской трапедзе представляет стол, найденный на азиатской стороне Боспора — в первом подкурганном склепе на Васюринной горе, оформленном в виде героона³⁷.

Устройством жертвенных столов почитались и главные божества хтонического круга, прежде всего такие, как Зевс-Аид (Плутон), Дионис, Асклепий и, конечно, как уже отмечалось, Артемиды-Гекаты³⁸. Художественное пластическое выражение этого весьма сложного, синкретического, многопланового комплекса религиозных представлений античности мы находим, например, в обширной группе вотивных рельефов, представляющих значительный интерес и в контексте нашего исследования.

Так, на посвятительном рельефе Диоскурам, происходящем из Лариссы в Македонии и датируемом II—I вв. до н. э., изображен стоящий перед ложем стол-трапедза с лежащими на нем жертвенными чашами. Ножки его оформлены внизу в виде львиных лап на низких подставках. Крышка изображенного на рельефе стола находится на уровне пояса стоящей справа от него фигуры мужчины, совершающего жертвоприношение над алтарем, расположенным перед столом³⁹. Большой интерес для темы нашего исследования представляет вотивный рельеф рубежа V—IV вв. до

³² BCH, 1957, LXXXI, p. 586—588 [Chronique des fouilles et découvertes archéologiques en Grèce en 1956. Aulis (Vathy)].

³³ BCH, 1959, LXXXIII, II, p. 684, fig. 23.

³⁴ Ibid., p. 683.

³⁵ Roscher. Op. cit., Bd. I, 2, Sp. 2496.

³⁶ Benndorf O. Das Heroön von Gjölbaschi-Trysa. — Jahrbuch der Kunst-historischen Sammlung d. allerh. Kaiserhauses. Bd. IX. Wien, 1889, S. 39, Fig. 29.

³⁷ Ростовцев М. И. Античная декоративная живопись на Юге России. СПб., 1914, с. 36 сл., 58 сл., табл. XVI, 1, 2.

³⁸ Roscher. Op. cit., Bd. I, 2, Sp. 2496.

³⁹ Encyclopédie photographique de l'art. T. III. Le Musée du Louvre, p. 253.

Рис. 18. Вотивный рельеф из Мегар

н. э. из Мегар ⁴⁰ (рис. 18). Он оформлен в виде грота, в углубленном поле которого изображен жертвенный стол с лежащей на нем маской бородатого и рогатого речного божества Ахелоя. Вокруг стола, образующего композиционный центр изображения, группируется сонм семи богов: в центре — на троне Зевс-Аид, слева от него — молодой Пан, справа — стоящая Кора (Геката-Персефона) с факелами в руках, далее — Добрый демон или Приап (?) с рогом изобилия в левой руке. Кроме того, на рельефе представлены еще три фигуры, вероятно местные герои. Этот рельеф, несомненно, связанный с кругом хтонических представлений, особенно интересен и показателен тем, что в нем отчетливо выступает семантическая связь двух сакральных элементов-символов: алтаря-трапедзы и грота. Более того, трапедза здесь служит одновременно и центром композиции, вокруг которого группируются в определенной последовательности персонажи, и границей между зрителем, обитающим в мире живых, и скульптурно оформленной полостью грота-пещеры, символизирующей потусторонний мир, в котором владеют грозные хтонические божества и герои.

Гроты, расселины и пещеры в античных религиозных представлениях рассматривались как проемы в земной тверди, соединяющие мир живых с подземным царством Аида, и обычно посвящались различным хтоническим божествам (Paus., X, 32, 2—7). Так, например, наиболее известной

⁴⁰ Blümel C. Katalog der Sammlung antiker Skulpturen. Bd. III. B., 1928, S. 58 f., Taf. 71 (K 82).

и чтимой считалась знаменитая пещера с оракулом Аполлона в Дельфийском святилище (Strabo, IX, 3, 5), а также пещерный оракул Аполлона Кларосского близ Колофона (Paus., VII, 3, 1—3; Tac., Ann. II, 54). Пещера была важным элементом и в древнейшем цикле мифологических представлений, связанных с Деметрой, Персефоной, Посейдоном, Паном и Мойрами (Paus., IX, 39, 1—14; 40, 1—2; X, 6, 3). С этими верованиями связана группа votивных рельефов, оформленных в виде гротов, в центре которых помещены фигуры божеств хтонического круга. В качестве примера назовем посвятельный рельеф аттической работы конца IV в. до н. э., изображающий стоящего в скальном гроте Пана, под опущенной правой рукой которого находится герма⁴¹, а также рельеф Эвклея, сына Лакла, из грота близ Вари, оформленный в виде пещеры со стоящими в ней нимфами⁴².

Все изложенное выше не позволяет сомневаться в том, что трапедза, посвященная царевной Сенамотис богине Дитагойе на акрополе Пантикапея, была установлена в нише или нишке⁴³ не случайно. Сочетание двух этих элементов, представлявших собой отнюдь не только детали оформления интерьера, несомненно, имело глубокий эзотерический сакральный смысл. Ниша, устроенная в скальной, облицованной мрамором стене помещения святилища, должна была служить архитектурно оформленным воплощением идеи входа, проема (грота, пещеры), ведущего в глубь горы, в подземный мир, в царство хтонической Артемиды. Именно в этом проеме был установлен стол-алтарь, воздвигнутый скифской царевной как бы на грани двух миров для жертвоприношений грозному женскому божеству Артемиде-Гекате-Дитагойе на благо царю Боспора Перисаду.

Сам факт посвящения такого рода, несомненно, следует рассматривать как религиозно-политический акт исключительной важности, государственного значения. Не исключено, что он был обусловлен какими-то обстоятельствами, непосредственно связанными с персоной царя Боспора или с ситуацией в царском доме (например, с болезнью Перисада, не имевшего, как предполагают, прямых наследников, и т. п.). В этой связи обращает на себя внимание как характер посвящения (стол-алтарь в нише), так и то обстоятельство, что сделано оно было от лица женщины и при этом предназначалось одному из самых могущественных женских божеств, причем явно в хтонической его ипостаси (кстати, не по этой ли причине общеизвестное имя богини заменено в надписи другим, имеющим, по-видимому, какую-то специальную функциональную окраску?). В самой формуле посвятельной надписи отчетливо выступает, если так можно выразиться, «фамильная», «семейная» сторона. Действительно, если первая часть первой строки восстановлена Ю. Г. Виноградовым верно, то в ней содержится весьма редкая формулировка, в которой акцент делается не столько на политическом аспекте власти царя и его титулатуры, сколько на его происхождении: βασιλέως [τρί]ς [Πα]ρισάδου [το]ῦ βασιλέως. . . Παρισά[δος]. С другой стороны, и сама Сенамотис, хотя и лаконично, но весьма определенно подчеркивает и свое происхождение от царя Скидура, и свое семейное положение — брак с Гераклидом: Ἡρακλείδου γονῆ, βασιλέως δὲ Σκιδούρ[ο]ς θυγάτηρ.

⁴¹ Budde L., Nicholls R. A Catalogue of the Greek and Roman Sculpture in the Fitzwilliam Museum Cambridge. Camb., 1964, p. 35, Pl. 19, 59.

⁴² AJA, 1903, VII, p. 291, 6; 309, VI, Taf. 8.

⁴³ RE, Bd. XVI, 1935, Sp. 1587.

Как отмечалось выше, хтоническая Артемида — грозная богиня, повелевавшая потусторонними магическими силами, отвращавшая напасти от семьи, детей и домашнего очага, — была одним из главнейших божеств, входивших в круг религиозных представлений замужней женщины античной эпохи. Поэтому, надо полагать, обращение к ней скифской царевны Сенамотис, жены Гераклида, должно было рассматриваться как одно из наиболее действенных. Совершенно определенный смысл получает в таком случае и характер сделанного ею посвящения, поскольку каждое жертвоприношение, совершенное на установленной в святилище трапедзе, должно было постоянно содействовать благополучию царской семьи и самого царя Боспора Перисада.

Подводя итог первому этапу изучения святилища на акрополе Паптикаей, следует остановиться на вопросе его датировки, поскольку она, естественно, имеет принципиальное значение.

Несмотря на сравнительно слабую сохранность строительных остатков и почти полное отсутствие на данном участке регулярных культурных напластований, в ходе раскопок все же были получены данные, позволяющие определить хронологические рамки функционирования святилища. Во-первых, обращает на себя внимание тот факт, что все подпадающие определению фрагменты скульптуры, обнаруженные в помещениях святилища, относятся к I в. н. э., самое раннее — к концу I в. до н. э. Во-вторых, все мраморные блоки и плиты, образовавшие облицовку стен помещений, несут следы вторичной обработки и подгонки, т. е. имеют признаки вторичного использования в процессе ремонта или перестройки святилища. Кроме того, в помещении Б под сохранившимися в первоначальном положении блоками цокольного ряда облицовки, в подстилавшей их прослойке цементного раствора, была сделана важная датирующая находка — медная боспорская монета, имеющая на лицевой стороне изображение головы Аполлона вправо, а на оборотной — треножник с ветвью, монограмму **BAE** и знак стоимости Δ. Эта монета, относящаяся к третьей группе

первой серии, по классификации А. Н. Зографа⁴⁴, датируется концом I в. до н. э. началом I в. н. э., т. е. временем правления царицы Динамии⁴⁵. Эта монетная находка служит важной точкой опоры при определении даты функционирования святилища, точнее позволяет определить время ремонта и перестройки его помещений.

Но в таком случае возникает вопрос: каким образом трапедза царевны, установленная не позднее последней четверти II в. до н. э., оказалась в помещении А, функционировавшем в I в. н. э.? В настоящее время, поскольку исследования еще не завершены, возможен лишь предварительный ответ на этот вопрос. Он предусматривает два варианта. Согласно первому, жертвенный стол мог быть принесен во вновь сооруженное и облицованное мрамором помещение святилища из другого культового комплекса, уже разрушенного к тому времени, и продолжал использоваться по своему прямому назначению, что могло быть связано со значительными восстановительными работами на акрополе столицы Боспора, осуществлявшимися в последние десятилетия I в. до н. э. На то, что стол использовался по своему прямому назначению в течение очень длительного времени, указывает сильная сглаженность, затертость верхней лицевой грани и сохранившегося угла крышки. Это объясняется тем, что лицевая грань

⁴⁴ Зограф А. Н. Античные монеты. М.—Л., 1951, с. 193—195, табл. XIV, 5.

⁴⁵ Фролова Н. А. Монетное дело Боспора первых веков н.э.: Автореф. дис. на соискание уч. ст. д-ра ист. наук. М., 1985, с. 8 сл.

трапедзы располагалась на уровне пояса стоящего человека и от многократных соприкосновений с одеждой людей, приносивших жертвы, оказалась сильно стертой, из-за чего пострадала и верхняя строка посвятельной надписи.

Но возможен и второй вариант: помещение, в котором была сооружена ниша с жертвенным столом, входило в культовый комплекс, посвященный богине Артемиде. Это помещение могло быть специально устроено для устаковки жертвенного стола-алтаря скифской царевны в последней четверти II в. до н. э., тогда как само святилище богини, располагавшееся в непосредственной близости от центрального храма столицы и всего Боспора — периптера ионийского ордера, посвященного Аполлону, возникло как минимум еще около середины V в. до н. э., если не раньше. В конце I в. до н. э., после бурных событий Митридатовой эпохи и землетрясения 63 г. до н. э., причинивших столице Боспорского царства серьезные разрушения⁴⁶, на акрополе были проведены восстановительные работы⁴⁷, в ходе которых реконструкции и обновлению подверглось и святилище Артемиды-Гекаты. Именно в этот период помещения святилища, в том числе и помещение А с установленным в нише столом-алтарем, могли получить прекрасную мраморную облицовку, часть плит которой была использована вторично.

Таковы основные итоги первого этапа изучения святилища на акрополе Пантикапея. Несмотря на ряд серьезных трудностей технического и методического порядка, возникших в процессе раскопок, результаты, полученные Боспорской экспедицией ГМИИ им. А. С. Пушкина за три археологических сезона, показали, что северо-восточный участок верхнего плато акрополя Пантикапея хранит ценнейшие строительные остатки культового назначения. Они позволяют составить представление о планировке, архитектурном оформлении и хронологии этого центрального района древнего города, который до последнего времени по сути дела оставался «белым пятном» на археологическом плане столицы Боспора. Продолжение раскопок на данном участке территории акрополя представляет одну из первоочередных задач в программе исследований, последовательно осуществляемой Боспорской экспедицией музея.

LE SANCTUAIRE DE L'ACROPOLE DE PANTICAPEE

V. P. Tolstikov

Les fouilles de ces dernières années ont permis à l'Expédition bosphorane du Musée des beaux-arts A. Pouchkine de Moscou d'explorer les vestiges d'un ensemble culturel situé sur le rebord septentrional du plateau supérieur du mont Mithridate, sur le territoire de l'acropole de Panticapée. Les fouilles ont révélé l'existence d'un revêtement de marbre sur les murs des deux locaux déterrés de l'ensemble, la base d'un escalier monumental taillé

⁴⁶ Блаватский В. Д. Землетрясение 63 г. до н.э. на Керченском полуострове.— Природа, 1977, № 8, с. 56 сл.

⁴⁷ Следы этих работ неоднократно фиксировались в ходе раскопок прежних лет, в том числе и на Верхнем Митридатском раскопе. Они были выявлены и при раскопках 1978—1979 гг. на Новом Верхнем Митридатском раскопе; с ними связано вторичное использование ионийской капители храма Аполлона середины V в. до н.э. в основании северной подпорной стены террасы святилища, возведенной (или восстановленной) в I в. до н.э. (Толстиков В. П. Раскопки Пантикапея.— АО 1979 года. М., 1980, с. 346).

dans le roc, allant du nord au sud et reliant ces locaux, la présence de sols en ciment recouverts de dalles de calcaire. Tout cela, plus le caractère spécifique des objets trouvés dans les locaux permet de supposer que nous avons découvert les vestiges d'un sanctuaire dédié au culte d'Artémis-Hécate. Comme les fouilles se poursuivent, nous ne dressons ici que le bilan de la première étape des travaux, mais si nous le faisons, c'est parce qu'elle nous a permis de découvrir des matériels d'une importance primordiale pour l'histoire de Panticapée et de tout le Bosphore: fragments de statues, notamment d'un hermès-hecatement, dessus d'autel avec ex-voto de la princesse scythe Sénamotis, fragments architecturaux etc.

Le matériel révélé par les fouilles permet d'entreprendre des essais de reconstruction graphique de cet ensemble architectural sans pareil et de certains des éléments de ses intérieurs (par exemple, de l'autel situé dans l'édicule) et aussi de déterminer la période de fonctionnement du sanctuaire: du IIe s. av. n. è. au Ier s. de n. è.

